

Е.В.Яровой, И.В.Бруяко

КОМПЛЕКС ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У С. ПУРКАРЫ В НИЖНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ

(к вопросу о киммерийских колесницах в Восточной Европе)

EV.Yarovoi, N.B. Bruiaiko. The Complex of Pre-Scythian Time Found at the Village of Purcari in the Low Dniester Region (To the Question of Cimmerian Chariots in the Eastern Europe)

It is a publication of iron items (fig. 1) found during excavations of a burial mound at the village of Purcari on the right bank of the Low Dniester area (Stefan-Voda Raion, Republic of Moldova).

The "deposit" was found on the North-Eastern periphery of the burial mound. It consisted of a harness objects and a spear end.

A quantitative and qualitative analysis of the objects shows that, first of all, it is the full set of a chariot harness meant for, most likely, four horses (a quadriga); second, the finding doubtlessly relates to the Pre-Scythian period of the early Iron Age (the so called "Cimmerian" stage). We determined a more precise absolute date within the middle or second half of VIII B.C.

Besides determining the cultural and chronological situation of the complex, the article analyses some more general aspects of the Pre-Scythian problems. It seems that the most significant are two of them. The first one is the genesis of one-ring two-part bit in general, as well as the time and the place of their technological transformation – "bronze-iron". The second one is the problem of appearance of the chariots in Eastern Europe in the pre-Scythian epoch.

As to the first problem, we came to the conclusion that the idea of one-ring two-part bit (bronze) appeared, most likely, in the eastern part of the Eurasian steppe belt (Central Asia) in X-IX c. B.C., expanding thereafter over the North Caucasus area and on the territory of the Central and North-West Iran. The Iranian findings (Hasanlu, Syalk, Dinha-tepe) show that it was here that as early as in the IX century an iron version of the one-ring two-part bit could appear for the first time. It is from here that the iron bit penetrated on the territory of the Eastern Europe (Carpathian and Dniester region) in the VIII c. B.C.

The chariots, exactly as majority of the researchers believe, could be borrowed by the Cimmerians from the arsenal of the armies of the Ancient Orient (Assyria, Urartu). However, we believe that it could have happen already before the "legendary" marches of the East European nomads to the Trans-Caucasus area and Front Asia, i.e. before the year 714 B.C.

As to the status of chariots among the nomads of the North Caucasus and Black Sea region in the pre-Scythian time, we believe that it was mainly a socially prestigious one, and far less a purely military one.

В 1980 г. Суворовская новостроечная археологическая экспедиция Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР проводила раскопки курганов на правом берегу нижнего течения р.Днестр у с.Пуркары Суворовского района (ныне район Штефан-Водэ РМ; Яровой 1981: 395; 1990: 41-132). Среди прочих, был раскопан и усатовский курган № 1, где найден комплекс железных изделий, состоявший из предметов конской упряжи и наконечника копья (рис. 1; Яровой 1990: 84; 1992: 148-152). Все вещи залежали весьма компактно в предматериковом слое в поле кургана, к востоку-северо-востоку от его центра. Следов погребального сооружения не зафиксировано.

Даже при самом беглом взгляде очевидно, что данный комплекс представляет собой не вполне обычное явление среди древностей предскифского времени, к которому он, без сомнения относится. За 20 лет, прошедших с момента находки, она неоднократно упоминалась в различных работах, посвящённых предскифской тематике. (Махортых 1992: 38-39; 1994: 71-72; Levitki 1994:191,200; fig. 9/6; и др.). Рисунки некоторых вещей вошли и в соответствующий том "Археологии СССР" (Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время

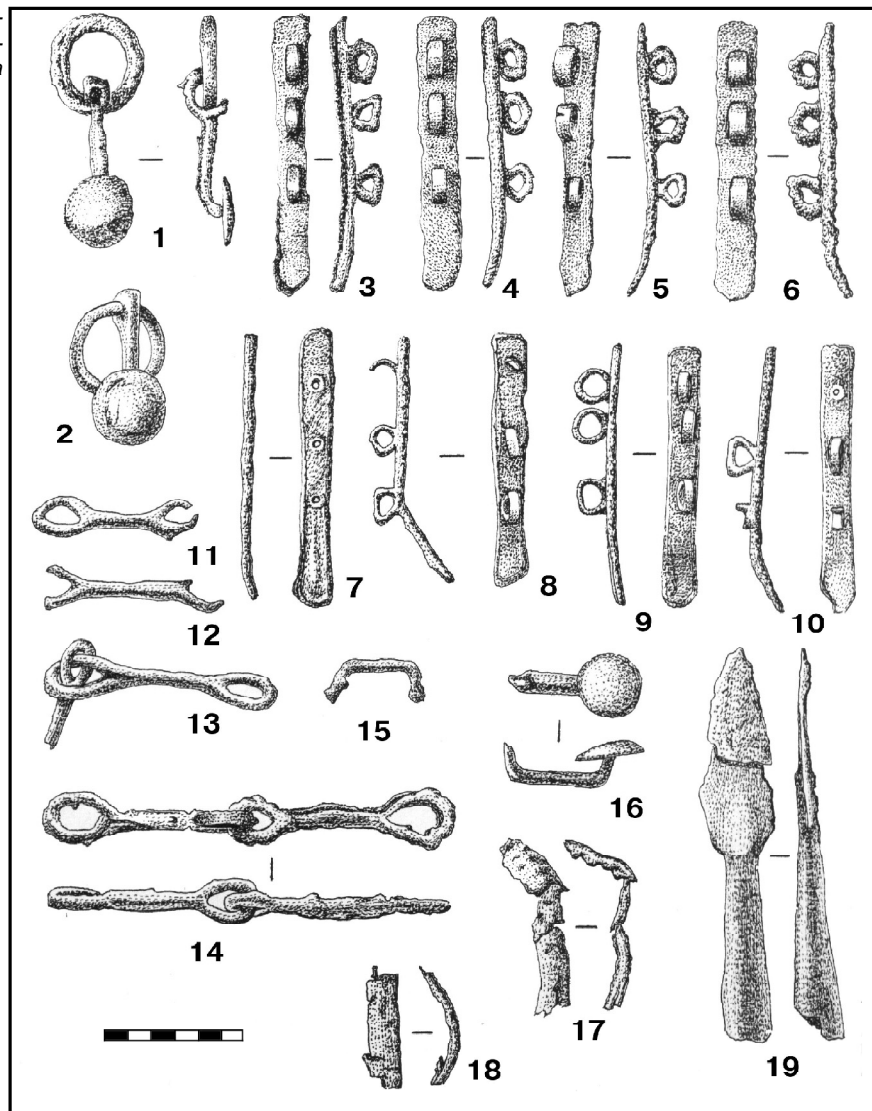
1989: табл.2, 7-9, 73). Однако поскольку исчерпывающей информации по данному комплексу до сих пор нет, то мы и предлагаем здесь его развёрнутую публикацию. В процессе работы над материалами оказалось, как это обычно бывает, что они позволяют выйти за рамки традиционной для публикации схемы — «предмет-дата» — и порассуждать на некоторые более общие вопросы предскифской проблематики.

В кургане 1 у с.Пуркары были найдены следующие предметы.

1. Псалии (рис.1/3-10). Несмотря на различия в отдельных деталях (форма петель, к примеру) которые по-видимому, можно отнести на счёт издержек технологического плана, коррозии и механических повреждений¹, все 8 пса-

¹ Фрагментарность и механические повреждения некоторых предметов, возможно, объясняются ещё и тем, что комплекс, находившийся на самом краю полы кургана в предматериковом слое, был обнаружен при прокладке бульдозером последней, контрольной траншеи. По этой же причине нельзя полностью исключать и того, что какие-то вещи, входившие в состав клада, были утрачены. Хотя, после фиксации находки все отвалы из траншеи были тщательно пересмотрены.

Рис.1. Комплекс железных предметов из кургана №1 у с.Пуркары.



лиев принадлежат одному типу. Это пластинчатые, трёхпетельчатые экземпляры с прямыми, либо чуть отогнутыми лопастями. Концы округлого в сечении прута, из которого сгибались петли, заводили в отверстия на пластине (рис. 1/7) и затем расклёпывали.

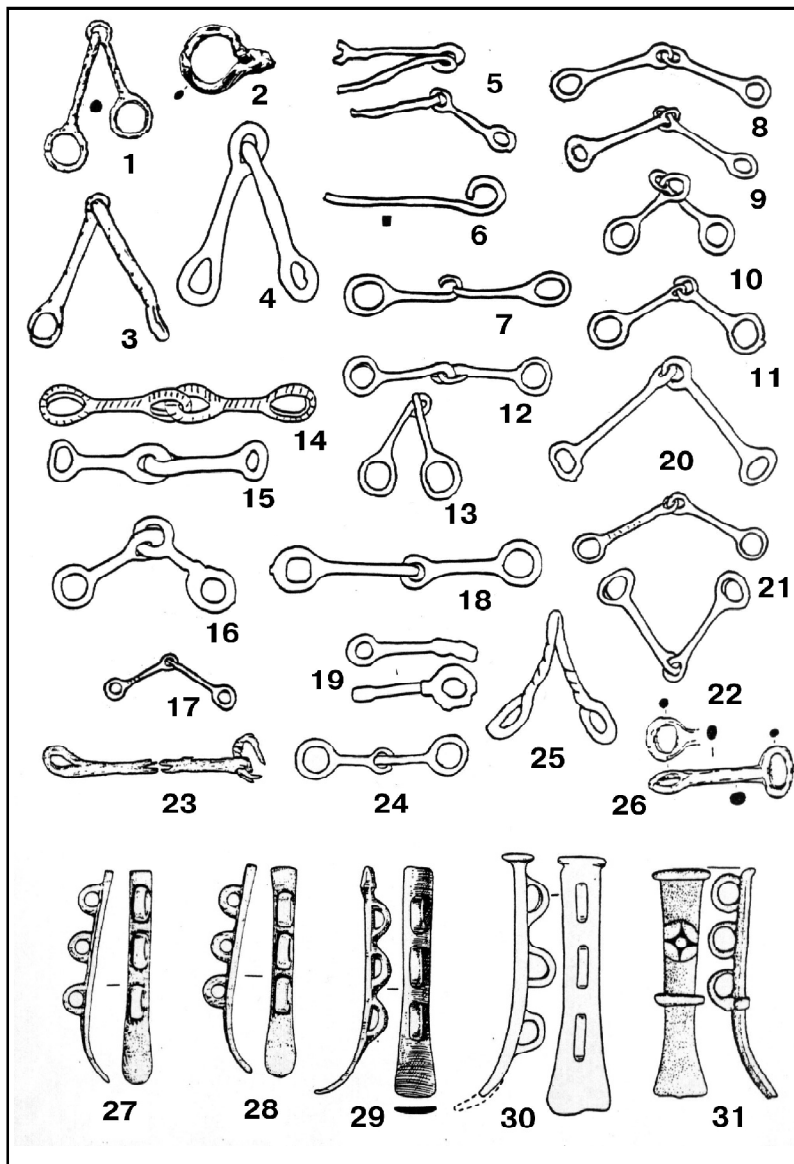
Железные аналоги пуркарским псалям нам неизвестны. Однако серия бронзовых прототипов морфологически довольно разнообразна. Здесь мы видим экземпляры с гладкой пластиной, отогнутой и чуть расширяющейся книзу лопастью, пластиной, оформленной различными фигурными деталями, округлыми и полусферическими петлями (рис.2/27-31). В своё время А.А.Иессен обозначил эту группу псалий индексом I-A и посчитал её разновидностью I типа «классических» новочеркасских трёхпетельчатых псалий с округлым стержнем, оканчивающимся сверху шляпкой, и широкой веслообразной лопастью (Иессен 1953: 54). В типологической схеме бронзовых уздечных наборов Закубанья такие псалии имеют индекс II-A (Эрлих 1991: 34, рис.2). На сегодняшний день абсолют-

ное большинство находок псалий этого типа сделано на территории Северного Кавказа, где, в свою очередь, бесспорно, выделяется могильник Фарс (Лесков 1984; Эрлих, 1994: табл.13-15). Именно здесь, в погребении 2 найдено два экземпляра, которые более всего похожи на железные псалии из Пуркар (рис.2/27-28).

2. Удила. (рис.1/11-14). Были представлены по-видимому, 4 экземплярами из которых один сохранился полностью, остальные фрагментарно. Типологически составляют одну группу — гладкие, округлые в сечении грызла и цельнокюваные петли. Массовое использование железных удил в Восточной Европе начинается с VII в. до Р.Х. Однако, единичные находки известны и в более ранних комплексах предскифского времени (рис.2/1-3). Помимо Пуркар, две находки зафиксированы на Среднем Днестре в ареале позднечернолесско-сахарнянских памятников (рис.2/1-2; 3/4-5; Смирнова, 1977: 96, рис.2/2; Кашуба, Гольцева: 1991, с.203, рис.5/1). Ещё одни удила найдены в погр.52 могильника Мезечат на Венгерской равнине (рис.2/3;

Рис.2. Двусоставные однокольчатые удила и пластинчатые трехплетельчатые псалии доскифского времени:

1 — Сахарна (Кашуба, Гольцева 1991), 2 — Мервицы (Смирнова 1977), 3 — Мезечат (Kemény 1994), 4 — Пуркары, 5, 8 — 10 — Сиалк, 6-7 — Динха-Тепе (все по: Медведевская 1983), 11- Гиян-Тепе (Членова 1981), 12 — Гантиадский могильник (Кахиани, Иорданашвили 1984), 13 — Лениакан (Мартirosян 1964), 14 — Забори, 15 — Эсте, 16 — Печ-Якабхедь (все по: Chochorowski 1993), 17 — Марьевка (Археология СССР 1989), 18 — Сергеевка (Махорты Черненко 1994), 19 — Красная Деревня (Лукашов 1984), 20 — Уйгарак (кург. 66; Вишневецкая 1973), 21-22 — Аржан (Грязнов 1980), 23 — Каменка-Днепровская (Эрлих 1997), 24-25 — Хасанлу (Medvedskaya 1988; Schauensee, Dyson 1983), 26 — Красногоровка (Эрлих 1997), 27-28 — Фарс (Лесков 1984), 29 — Мебельная фабрика I (Козенкова 1995), 30 — ст. Ханская (Иессен 1953), 31 — Будапештский музей (Chochorowski 1993).
(1-6, 23, 25 — железо, остальное — бронза; масштаб разный)



3/2; Patek 1980: abb. 3/21). Именно они представляют собой наиболее близкую аналогию публикуемым здесь.

3. Кольца с подвижными привесками (рис.1/1,2). Полностью сохранилось два экземпляра. Аналогичные бронзовые изделия считаются неперемным атрибутом колесничной упряжи (Эрлих 1994: 46). Они известны в предскифских комплексах на Северном Кавказе (перечень находок см. Эрлих 1994: табл.6-8), в Приднепровской лесостепи (Ковпаненко 1962; Ковпаненко, Гупало 1984: рис.6/12; Тереножкин 1976: 72, рис. 38/15-16), на памятниках «фрако-кimmerийского» горизонта в Средней Европе (Kemény 1994: fig. 9/1-2; Chochorowski 1993: fig.5; Эрлих 1994: табл.28). Заметим, что кольца с подвесками из Пуркар отличаются от большинства бронзовых аналогий малым диаметром самих колец.

4. Скобы с двумя бляшками (рис.1/15-16). В составе клада есть 2 экземпляра сохранив-

шие фрагментарно. По данным В.Р. Эрлиха, эти предметы отмечены в комплексах, где присутствуют и кольца с подвижными привесками. Причём, в полных наборах упряжи они всегда найдены в паре (Эрлих 1994: 47-48, табл.7-8; 9/17-19).

5. Наконечник копья (рис.1/19). Втульчатый наконечник копья с листовидным пером и слабо намеченной нервюрой. Похожий экземпляр был найден при раскопках Бернашевского могильника (Могилёв-Подольский район Винницкой области) в раскопе VII (Гуцал 1993: 53-54, рис.15/9). Могильник относится к предскифскому, скорее всего позднечернолесско-раннежаботинскому, времени. Ещё одной близкой аналогией является наконечник копья из могильника шолдэнештской группы у с.Матеуцы (Лапушнян 1979: 17, рис.2/2). Таким образом, наконечник из Пуркар может быть датирован весьма широко (VIII-VII вв. до Р.Х.), что является вполне привычным для датировок этого вида

наступательного оружия раннего железного века.

Кроме перечисленных предметов в составе клада имеются ещё две фрагментированные железные пластины (рис.1/17-18). Их назначение нам неясно. Может показаться, что это обломки ещё одной пары псалиев. Однако на них не обнаружены отверстия и остатки заклёпок, которые, судя по наиболее крупному обломку, несомненно сохранились бы, если это действительно был фрагмент пластинчатого псалия.

Интерпретация данного комплекса, благодаря работам В.Р.Эрлиха в первую очередь, как будто бы не составляет особого труда. Парное сочетание основных элементов упряжи (псалии, удила), наличие двух колец с подвижными стержнями, оканчивающимися круглой шляпкой, и двух скоб с парами таких же бляшек каждая, всё это вполне убеждает в том, что перед нами комплект колесничной упряжи под четвёрку лошадей².

В.Р.Эрлих, по сути открывший подобные комплексы в Восточной Европе, проанализировал все известные находки и пришёл к заключению, о том, что упряжь колесничных наборов входит в состав «классического новочеркасского комплекса». Датировать его он предложил концом VIII-первой пол. VII вв. до Р.Х. (Эрлих 1994: 90). Нижняя дата этого горизонта — 714 г. до Р.Х., начало исторических походов киммерийцев (Эрлих 1994: 93). Таким образом, решить проблему датировки пуркарского комплекса можно примерно так же, как и проблему его интерпретации, т.е. просто поместить эту находку в указанные выше хронологические рамки. Однако, такой механической процедуре, на наш взгляд мешает ряд особенностей, которые позволяют отличать комплекс из Пуркар от всех остальных, типологически подобных. Первое, и по-видимому самое очевидное отличие состоит в том, что все предметы здесь сделаны не из бронзы, а из железа. Во-вторых, все опубликованные на сегодня колесничные наборы имеют в своём составе бронзовые двукольчатые удила, тогда как наш — железные однокольчатые³. До сих пор, как будто бы неизвестно и железная разновидность псалиев подобных пуркар-

² Реконструкция колесничной упряжи, предложенная В.Р.Эрлихом, кажется весьма профессиональной и комментировать её мы не в состоянии. Хотя, принадлежность едва ли не всех составляющих новочеркасскую сбрую исключительно к колесничной упряжи воспринимается поневоле, несколько сдержанно. Наверное, эти сомнения могли бы рассеяться, если бы перед читателем находилась графическая реконструкция упряжи. Фактор наглядности, в данном случае, убедительнее многостраничного описания с отсылками на специальные исследования (Эрлих 1994: 38-41).

³ Непонятно, что за предмет представлен в иллюстрации неполного комплекта колесничной упряжи из кург. 11 у Каменки-Днепровской (Эрлих 1997: 22, рис.3/3). Текстовые пояснения отсутствуют. Судя по рисунку, возможно, что это железные однокольчатые удила, снабжённые дополнительными привесками

ким. В-третьих, бронзовые прототипы таких псалиев (тип I-A по А.А.Иессену, или тип II-A по В.Р.Эрлиху) ни разу ни встречены в полных колесничных наборах. В прочих же комплексах вместе с такими псалиями чаще всего попадают однокольчатые удила, реже — двукольчатые, с ложновитым рифлением («архаические») и ещё реже — треугольно-конечные. Все эти сочетания образуют I хронологическую группу по В.Р.Эрлиху, которая появляется ещё в IX в. до Р.Х. (Эрлих 1991: 38-39; 1994: 58-64). Четвёртое обстоятельство возможно и не имеет пока очевидного хронологического подтекста, однако вместе с уже упомянутыми отличиями также придаёт нижнеднестровскому комплексу известное своеобразие. Согласно наблюдениям О.Р.Дубовской, которые были дополнены В.Р.Эрлихом, клады конской упряжи новочеркасского типа в курганах, располагались в южном секторе насыпи. Там же находились и погребения, в которых встречены колесничные наборы (Дубовская 1989: 68; Эрлих 1994: 48-49). В Пуркарах комплекс был обнаружен в СВВ части насыпи, практически в поле кургана. Наконец, пятое отличие исключительно географического порядка и заключается в том, что Пуркары — самый западный из ныне известных пунктов находок колесничной упряжи.

Надо сказать, что в средневропейских комплексах периодически встречаются отдельные детали, трактуемые как элементы колесничной упряжи. Так, В.Р.Эрлих видит их в составе клада Прюдь (кольца с двумя привесками). Это обстоятельство позволило ему, параллельно с Т.Кеменцеи, существенно повысить датировку этого венгерского комплекса (Эрлих 1994: 63-64; 1997: 24; Kemenczei 1994: 597-598; 1996: 263). Перенос даты Прюдь на столетие вверх (конец VIII в. до Р.Х.) не кажется нам достаточно обоснованным. Впрочем, это особая тема. Укажем лишь, ещё на 3 комплекса венгерско-трансильванского района в которых найдены кольца с привесками, функционально по-видимому, аналогичные кольцу из Прюдь: Дунакёмлéd, Фюгед, Чипэу (Марошчапо, погр.1; Kemenczei 1988: abb. 5/2; 1994: fig. 9/1-3; Chochorowski 1993: 78, fig. 5/1,4). Если первые два датируются приблизительно концом VIII-нач. VII вв. до Р.Х., то последний — рубежом IX-VIII вв. до Р.Х. (Chochorowski 1993: 187,193) и, таким образом, он выпадает из стройной и последовательной картины распространения колесничных наборов в соответствии с датой 714 г. до Р.Х.⁴.

(рис.2/23).

⁴ Впрочем, В.Р. Эрлих предлагает сейчас повысить до конца VIII — нач. VII вв. и дату Чипэу. Он увидел, что окончания привесок из этого трансильванского комплекса совершенно аналогичны привескам к однокольчатым витым удилам из клада Фюгед (Эрлих 1997: 25). Так как, последний датируется примерно рубежом НаВ/С, то к этому же времени, считает Эрлих, можно отнести и погр.1 могильника Чипэу («Чипэу — Гара»). Я. Хохоровски, датируя Чипэу рубежом НаВ2/В3, опирался в основном на псалии камыше-

Ещё один, не вызывающий сомнения у В.Р.Эрлиха, индикатор колесничной упряжи — пронизи — распределители ремней. Даже если согласиться с подобной атрибуцией этих изделий, их хронология, также как и колец с привесками, не может быть ограничена узкими рамками «классического новочеркасского комплекса». Эти предметы — не такая уж и редкая находка в среднеевропейских комплексах фрако-киммерийского горизонта периода HaB3- HaC (Stegmann-Rejtar 1992: taf.4/5; Chochorowski 1993: 100-102). При этом, кроме пронизей никаких других принадлежностей колесничной упряжи в них не найдено. Так же одиноко в составе своих комплексов выглядят уже упомянутые кольца с привесками из Прюдь, Фюгед и Чипэу. Лишь в Дунакёмлэд, наряду с таким кольцом, отмечена трёхпрорезная пронизь, к стати, типологически более всего похожая на северокавказские аналогии (Chochorowski 1993: fig. 8/5).

Исключительная принадлежность пронизей-распределителей к комплектам колесничной упряжи довольно сомнительна ещё и потому, что большое число таких предметов (с тремя и четырьмя прорезьями) происходит из области раннесакской культуры Приаралья (Сакар-Чага 6, Уйгарак), где не зафиксированы парные сочетания удил и псалиев, а также нет иных деталей колесничной упряжи (Яблонский 1991: рис.11, 4-7; Вишневская 1973: табл. II/4, V/1, 14, VII/4, VIII/4, IX/2, XX/3).

О генезисе и датирующих возможностях железных однокольчатых удил мы поговорим чуть позже. Сейчас же, остановимся на двух других аспектах, которые могут определять датировку комплекса из Пуркар. Не претендуя на оригинальность, назовём их условно: «исторический» и «археологический». В основе первого, на котором к стати, в значительной степени базируется датировка колесничных комплексов упомянутая выше, лежит 714 г. до Р.Х. как начальная дата «летописных» походов киммерийцев. Поскольку в евразийских степях ближайшими по времени прототипами для киммерийских колесниц могут быть разве что синташтинские повозки эпохи средней бронзы, то независимая, степная линия преемственности колесниц раннего

вахского типа из этого же комплекса. При этом, он заметил сходство между привесками из Чипэу и Фюгед, однако справедливо посчитал, что оснований для синхронизации этих комплексов нет поскольку, указанные детали сделаны из разного сырья — Чипэу (бронза), Фюгед (железо; Chochorowski 1993: 83). Таким образом, аналогия Эрлиха не вполне точна, и при датировке Чипэу по-прежнему гораздо больше оснований использовать бронзовые псалии типа Камышеваха, нежели форму окончаний привесок, чьи возможности как хроноиндикаторов ещё предстоит выяснить. Тем более что здесь же Эрлих указывает на ещё одну аналогию датируемую уже периодом HaD (1997: 27). Тем не менее, нельзя исключать, что отмеченное типологическое тождество позволит несколько скорректировать дату трансильванского комплекса, скажем,

железного века всерьёз не обсуждается. В.Р.Эрлих предположил, что знакомство киммерийцев с боевыми колесницами могло состояться в Передней Азии, где они были широко распространены, в частности в ассирийской армии (Эрлих 1994:50, 86). Именно отсюда эта военная техника (своего рода «танки древности») была заимствована причерноморскими номадами. Таким образом, t.p.quet для колесничных комплексов к северу от Кавказа — 714 г. до Р.Х., а t.a.quet — начало келермесского этапа, где такие колесничные наборы отсутствуют⁵. Поскольку 714 г. — это всё же лишь t.p.quet, то по-видимому, остаток VIII века для датировки причерноморских колесниц можно исключить и ограничить её только первой половиной VII в. до Р.Х. Предложена и более узкая дата появления в Восточной Европе древностей «классического новочеркасского комплекса», куда входят и колесничные наборы — 705-679/8 гг. (Дударев 1994: 14). Именно в этот период, когда упоминания о киммерийцах исчезают из ассирийских источников, какая-то их орда, возвратившись на Северный Кавказ, могла принести с собой идею боевых колесниц, наверное всё же, в виде какого-то числа реальных повозок.

Помимо железных удил и наконечника копья, датировка которого имеет скорее фоновое значение для всего комплекса, второй («археологический») аспект образуют пластинчатые трёхпелетчатые псалии. Как уже было сказано, их бронзовые прототипы включены В.Р.Эрлихом в I хронологическую группу уздечных наборов, которая датируется IX (видимо, второй его половиной) — серединой - второй половиной (?) VIII вв. до Р.Х. При этом, остаётся неясным, каким образом автору мыслится соотношение между первой и второй хронологическими группами (Эрлих 1994: 62 и сл.). Если оно жестко последовательное, то тогда верхняя дата I группы ограничивается серединой VIII в. до Р.Х. Если предполагать, по крайней мере частичное совмещение верхней даты первой и нижней даты второй групп, то тогда псалии типа II-A могли быть в употреблении ещё какую-то часть VIII в. до Р.Х.(второй его половины). Я.Хохоровски, предложив своё обозначение этой группы псалиев — тип «Майкоп», отметил, со ссылкой на работу В.Р.Эрлиха, их встречаемость преимущественно со стремявидными и однокольчатыми удилами и в итоге, предложил датировать подобные псалии ещё HaB2. При этом, они оказываются самыми старшими в своём типологическом ряду для Средней Европы, а их некоторые морфологические признаки, согласно схеме польского исследователя, были использованы при выработке других, более поздних типов псалиев «фрако-киммерийского» круга в Сред-

в пределах первой пол. VIII в. до Р.Х.

⁵ Несколько видоизменённые, отдельные детали колесничной упряжи известны в Краснознаменских курганах 1 и 6 и в Нартановском могильнике (Эрлих

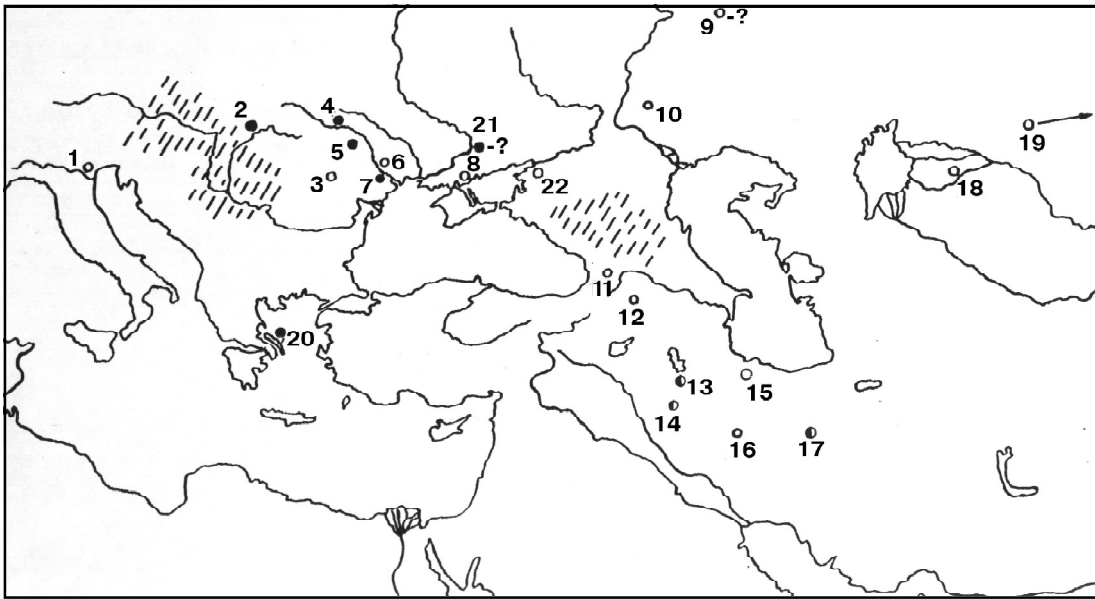


Рис.3. Находки однокольчатых удил доскифского времени

- железные экземпляры
- бронзовые экземпляры
- совместные находки железных и бронзовых экземпляров
- области наибольшей концентрации находок (бронзовые удила)

? — контекст находки неясен

1 — Эсте, 2 — Мезечат, 3 — Чипэу (Марошчапо, погр.1), 4 — Мервинцы, 5 — Сахарна, 6 — Слободзея, 7 — Пуркары, 8 — Сергеевка, 9 — Марьевка, 10 — Красная Деревня, 11 — Гантиадский могильник, 12 — Лени-накан, 13 — Хасанлу, 14 — Динха-тепе, 15 — Калураз, 16 — Гиан-Тепе, 17 — Суалк, 18 — Уйгарак, 19 — Аржан, 20 — Лефканди, 21 — Каменка-Днепровская, 22 — Красногоровка.

ней Европе (Дунакёмлэд, Штильфрид, Яниево; Chochorowski 1993: 64, fig.3)⁶.

Таким образом, опираясь на датировку пластинчатых трёхплетчатых псалиев, может стать так, что колесничный комплекс из Пуркары будет старше всех остальных и, даже со скидкой на период технологической трансформации основных элементов упряжи (бронза-железо), датироваться временем около сер.VIII в. до Р.Х. Учитывая предложенную В.Р. Эрлихом датировку бронзовой колесничной упряжи концом VIII — первой пол. VII вв. до Р.Х., а также тот достаточно очевидный факт, что бронзовые прототипы в целом, должны быть старше железных производных, такая хронологическая позиция комплекса из Пуркары может показаться не вполне правдоподобной. В чём здесь дело? Наверное, в датировке «классического новочеркасского комплекса» и синхронизируемых с ним колесничных наборов. Конечно, такая узкая (конец VIII — первая пол. VII вв. до Р.Х.) датировка весьма привлекательна для дописьменного периода истории ранних кочевников Восточной Европы, где 714 до Р.Х. фактически знаменует собой его окончание. Однако именно эта уникальная, зависящая в гордом

1994: 50, 107).

⁶ Согласно сводке Я.Хохоровского, в Средней Европе известен лишь 1 экземпляр бронзовых псалиев типа Майкоп (Рис.2, 31). Он находится в коллекции

одиночестве дата, на которой базируются абсолютные хронологические выкладки для «классического» новочеркасского этапа⁷, как раз и

Будапештского музея и его происхождение неясно.

⁷ Мы сознательно берём это определение в кавычки, поскольку оно, на наш взгляд, оформилось в какой-то степени искусственно, в результате очередной попытки жесткой корреляции археологических материалов с конкретными историческими событиями, что в данном случае кажется не вполне очевидным. К появлению «классического новочеркасского комплекса» привёл вариант решения В.Р.Эрлихом археологического аспекта черногоровско-новочеркасской (киммерийской) проблемы путём дробления и перегруппировки слагаемых предскифских комплексов по принципу частоты их совстречаемости. Полученный некий эталонный комплекс автор соотносит с киммерийцами древневосточных текстов и полагает, что только после 714 г. до Р.Х. обогащённая в Передней Азии культура кочевников «выплёскивается» (термин автора; Эрлих 1994: 95) в районы лесостепи и степи Причерноморья. Одновременно, за счёт такой сверхразличимой классификации появилась возможность отсеять некоторые «неклассические» типы, или варианты типов вещей, которые считались эталонными для новочеркасского комплекса, однако, сейчас уже никак не соответствуют хронологии новочеркасского этапа по А.И.Тереножину (750-650 гг. до Р.Х.). В категорию «неклассических» попали, к примеру, двукольчатые удила с ложновитым рифлением, которые В.Р.Эрлих помещает в I хронологическую группу и датирует в т.ч. и IX в. до Р.Х. Заметим правда, что логика рассуждений автора при этом, нам во всяком слу-

способна вызвать к себе критическое отношение. Дискуссия по этому поводу неминуемо ввергнет нас в то, совершенно хаотическое состояние, в котором находится сейчас глобальная киммерийская проблема, в особенности, как это ни странно, после недавнего её обсуждения на страницах журнала «Российская археология» и выхода ряда монографий. Поэтому, сейчас мы лишь ставим под сомнение появление колесничных наборов в Восточной Европе в соответствии с датой 714 г. до Р.Х. Эти сомнения станут более обоснованными после публикации материалов кургана у пгт. Слободзея, что в 20 км севернее с. Пуркары на левом берегу Днестра (рис.3/6). Основное погребение этого кургана, где среди прочего инвентаря найден комплект колесничной упряжи (бронзовые однокольчатые удила и костяные псалии черноторовского типа), даже исходя из данных предварительной публикации (Яровой, Кашуба, 1994), скорее всего не моложе IX в. до Р.Х. Таким образом, если всё же настаивать на том, что колесницы предскифского периода в Северном Причерноморье и Предкавказье — результат прямого заимствования киммерийцами этой военной техники из арсенала армий государств Древнего Востока, то тогда у тех исследователей, которые полагают, что наряду с эпохой «летописных» походов, в истории ранних кочевников Восточной Европы имел место и более ранний, т.н. «допоходный» этап (Раевский 1993:81), может появиться дополнительный аргумент “pro”. Тогда, те немногочисленные предметы явно древневосточного происхождения, которые оказались в отдельных погребальных комплексах северопричерноморских nomadов середины — второй половины VIII в. до Р.Х. (Квитки, Носачево, Высокая Могила), возможно не будут выглядеть столь одиноко.

Пуркарский комплекс даёт нам определённые основания для обсуждения здесь крайне интересного вопроса о происхождении и датировке железных однокольчатых удил. Вкратце напомним суть проблемы. На сегодняшний день наиболее ранние экземпляры железных однокольчатых удил зафиксированы в сахарнянско-чернолесских комплексах Среднего Днестра, на Венгерской равнине и на ряде памятников современного Ирана, разбросанных на довольно обширной территории (рис.3). Все эти экземпляры датируются в основном VIII в. до Р.Х. с небольшими допусками как в IX, так и в VII вв. до Р.Х. Распространение идеи однокольчатых двусоставных удил мыслится (не всеми, правда) моноцентрически, поэтому, появление иранских и европейских экземпляров рассматривалось обычно в хронологической последовательности⁸.

чае, совершенно непонятна (ср.Эрлих 1994: 62, 64, 70).

⁸ На наш взгляд, конвергентный вариант развития в данном случае, действительно маловероятен, однако лишь в том случае, если речь идёт о зарождении

Раз так, то путь решения проблемы первичного ареала таких удил выглядел традиционным. Необходимо было выяснить, где найдены наиболее ранние образцы и тем самым, решить вопрос «авторских прав» либо в пользу Европы, либо Азии. Соответственно тогда, какая-то из двух областей будет определять т.р. quem появления железных однокольчатых удил в другой.

На обширной территории между Северо-Западным Ираном и Днестровско-Карпатскими землями, в Причерноморье и на Северном Кавказе, комплексы доскифского периода с интересующими нас удилами неизвестны. Многочисленные находки железных удил по обе стороны Кавказского хребта не старше VII в. до Р.Х. (Тейшебаини, Тли, Нартан, Келермесс и др.; Есаян, Погребова 1985: 93-97; Техов 1980: 35, рис.14/3; Махортых 1991: рис.26/1-3; Kossak 1987: 55, abb. 18/4, 32-33; 82, abb.35/11,12; Галанина 1997: табл.17). В западном ареале памятников кобанской культуры наиболее ранние экземпляры железных однокольчатых удил также датируются не ранее VII в. до Р.Х. (могильники Тамгацикский, Уллубаганалы, Кызыл-Кала; Козенкова 1995: 104, табл. XXVI/9-11). По классификации В.И.Козенковой, все эти удила принадлежат III типу вариантам 2 и 3, которые заменяют I вариант этого же типа, представленный исключительно бронзовыми экземплярами (Козенкова 1995: 104). Не выходит за рамки VII в. и датировка наиболее ранних комплексов Приднепровья, содержавших железные удила (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 66).

Различают два варианта таких удил — с внешними кольцами, загнутыми в петлю, смещённую к продольной оси грызла (3 вариант III типа по В.И.Козенковой) и в виде замкнутого откованного кольца, расположенного симметрично по отношению к этой же оси (2 вариант III типа; Козенкова 1995: 104). Все 4 находки из Днестровско-Карпатского региона доскифского периода относятся к последнему варианту (рис.2/1-4). Впрочем, на северном Кавказе (Келермесс) и в Закавказье (Тейшебаини) в VII в. до Р.Х. оба варианта присутствуют в одном комплексе, а в погр.5 Тамгацикского могильника — даже на одном экземпляре (Козенкова 1995: табл. XXIX/19). Можно отметить и ещё одну деталь, дифференцирующую группу железных однокольчатых удил. Это форма внешних колец, круглая (Сахарна, Мервинцы) и овальная (Мезечат, Пуркары). Пока трудно сказать, есть ли во всех этих вариациях какие-либо закономерности хронологического плана. Возможно мы ошибаемся, но похоже, что В.И.Козенкова считает удила с цельноковаными окончаниями, повторяющими бронзовые прототипы, в целом чуть более ранними. С.В.Махортых, по-видимому уверен в том, что железные удила с цельноковаными окончаниями предшествовали тем, у которых внешние кольца были загнуты в петлю

(Махортых 1991: 65). В другой своей работе, он предлагает дополнить типологию А.А.Иессена, выделив тип однокольчатых удил с овальными внешними петлями (тип II-Б), распадающийся на 2 варианта — с петлями, расположенными перпендикулярно и параллельно стержню удил (Махортых 1994: 70). Как бы там ни было, однако, в ареале кобанской культуры (западная группа памятников) оба варианта всё равно не древнее VII в. до Р.Х., или даже второй его половины (Козенкова 1995: 104).

Хронологическая позиция наиболее ранних иранских и европейских экземпляров друг относительно друга мыслится исследователями по-разному. В.Р.Эрлих, отметив, что железные кованые однокольчатые удила требуют специального изучения, считает, что бытование таких удил на Северном Кавказе — лишь весьма краткий эпизод в рамках VII в. до Р.Х. «... хотя, в Средней Европе они известны гораздо раньше» (Эрлих 1991:41; 1994: 68)⁹. И.Н.Медведская, датируя подобные удила из иранских памятников Сиалк и Хасанлу в основном VIII в. до Р.Х., полагает, что они не могут быть местными по происхождению (Медведская 1983: 72-73). С этим, а точнее с такой датировкой, похоже не вполне согласен В.Р.Эрлих, поскольку он полагает, что железные трёхдырчатые псалии из погр. 15 могильника Сиалк, где были найдены и железные однокольчатые удила, следует датировать концом VIII — первой пол. VII вв. до Р.Х. (Эрлих 1991: 40-41; 1994:68). Началом VII в. до Р.Х. датирует погр. 15 могильника Сиалк и М.Н.Погребова (Погребова 1984: 187).

Для Среднего Поднепровья историография вопроса выглядит следующим образом. Здесь долгое время железные удила считались показателем поздней, доходящей вплоть до VI в. до Р.Х., верхней даты памятников типа Сахарна (Мелюкова 1972: 67). Г.И.Смирнова последовательно понижала дату этих удил, сперва до начала VII в. до Р.Х. (Смирнова 1977: 106), а затем, используя откорректированные И.Н.Медведской даты иранских памятников, до первой пол. VIII в. до Р.Х. (Смирнова 1985: 39-40). Поскольку же Г.И.Смирнова согласна с И.Н.Медведской в том, что железная упряжь подобного типа не имеет на Древнем Востоке никаких корней, то она предлагает искать первичный ареал таких удил на западной периферии Причерноморья, «...может быть в области Нижнего Подунавья и Пруто-Днепровского бассейна» (Смирнова 1985: 38)¹⁰. В

таком случае, удила из Мервинцев и Сахарны оказываются самыми старшими в типологическом ряду железных однокольчатых удил Евразии, а их датировка, имея первую пол. VIII в. до Р.Х. как *terminum quiescens*, может затеряться уже где-то в IX в. до Р.Х. Кроме того, фактически предлагается локализация ещё одного центра или области по производству конской упряжи в предскифский период. И.Н.Медведская считает, что появление таких удил в Закавказье и Иране в VIII, или даже в IX вв. до Р.Х., если придерживаться прежних датировок для Хасанлу IV, могло быть результатом глубокого внедрения среднеевропейских элементов транзитом через Северное Причерноморье и Кавказ (Медведская 1983, 72)¹¹. Тем самым, она по сути разделяет предположение Г.И.Смирновой о том, что областью, где впервые появилась железная модификация однокольчатых удил, могло быть Карпато-Подунавье с прилегающими районами Украины и Молдавии. Всё это может означать, что где-то в этой части Европы, по крайней мере ещё в IX в. до Р.Х., было налажено более или менее серийное производство железных предметов конской упряжи.

В изложенном только что, налицо явное «смешение жанров». По-видимому, имеет смысл их развести и рассматривать параллельно. Хронологию, а с ней и ареал двусоставных однокольчатых удил можно анализировать, во-первых, как развитие таких удил вообще (идею), а во-вторых, как сырьевое (технологическое) воплощение этой идеи.

Наверное, мало кто сомневается в том, что бронзовый вариант этого типа удил для евразийского региона, в целом древнее его железной модификации. Поскольку высокая концентрация бронзовых прототипов наблюдается в северокавказском и центральноазиатском регионах, то можно согласиться с мнением Я.Хохоровского, который полагает, что именно отсюда и распространилась оригинальная идея двусоставных однокольчатых удил, в том числе и на Среднюю Европу, заменив здесь уже в IX в. до Р.Х. весьма популярные до этого времени односоставные бронзовые удила (Chochorowski 1993: 43). Количество и разнообразие однокольчатых бронзовых экземпляров, к примеру в одном только Аржане, наводит на размышления о том, что к концу IX в. до Р.Х. этот тип удил в Центральной Азии уже прошёл более или менее длительный период апробации и стал серийным

самой идеи (здесь — идеи двусоставных однокольчатых удил), а не её технологического переосмысления.

⁹ Имеется в виду, вероятно, погр.52 могильника Мезечат.

¹⁰ При этом возникает система взаимных отсылок. И.Н.Медведская апеллирует исключительно к европейским областям (1988:2; 1991:149-150). Здесь железные однокольчатые удила с раздельно крепящимися псалиями появляются только в середине VIII в. до Р.Х., следовательно в Иране — позже. Г.И.Смирнова, наоборот, использует иранские материалы для

хронологических выкладок по среднеазиатскому горизонту Среднего Поднепровья.

¹¹ В основе этой посылки лежал тезис В.И.Козенковой о том, что культурные контакты между Северным Кавказом и Карпато-Подунавьем до середины VIII в. до Р.Х. шли преимущественно с запада на восток, а позже, их вектор принял диаметрально противоположное направление (Козенкова 1975: 70). Сейчас, когда восточные импульсы, формирующие «фрако-киммерийский горизонт» в Средней Европе, датируются се-

типом. Достаточно рано однокольчатые бронзовые удила появляются и на Северном Кавказе. Однако, здесь большое количество однокольчатых удил представлено рифленным ("строгим") вариантом. Если считать, что это относительно более поздняя модификация гладких прототипов, то возможно, что Северный Кавказ и не входил в ареал первоначального распространения последних. Как бы там ни было, но пока получается, что бронзовые однокольчатые удила могли попасть на территорию современного Ирана, либо с Северного Кавказа, либо, что более вероятно, непосредственно из Центральной Азии. Примечательно, что захоронения взнузданных лошадей, в том числе и с железной упряжью, известны в Иране не только в Хасанлу и в Сиалке, но и на других памятниках (Гиан-Тепе, Динха-Тепе и Бабаджан-Тепе; рис.3). Таким образом, и иранские и отмеченные выше европейские (Карпато-Днестровский регион) области выступают в качестве вторичного ареала для такого типа упряжи как двусоставные однокольчатые удила. Но вот что касается выработки железной модификации, то картина, полученная при картографировании находок железных однокольчатых удил, представляется в высшей степени любопытной (рис.3). Прежде всего, нередко на одном и том же иранском памятнике практически синхронно присутствуют как бронзовые, так и железные экземпляры (рис.2-3). Мало того, в Сиалке они представлены в одном и том же погребении. И наконец, наиболее впечатляющим является количество однокольчатых двусоставных удил, найденных только в одной цитадели Хасанлу IV — 42 (!) пары (Schauensee, Dyson 1983: 68). Причем, 18 из них представлены железными экземплярами. Даже если исключить из этого числа 7 пар удил с перевитым грызлом ("twisted capons"; Schauensee, Dyson 1983: 70), то оставшиеся 11 вдвое превосходят по численности все известные к настоящему времени находки железных однокольчатых удил доскифского времени в восточно- и центральноевропейском ареалах. При этом, перенос И.Н.Медведской даты гибели Хасанлу IV от конца IX в. до Р.Х. в конец VIII в. до Р.Х., в данном случае не имеет никакого значения, поскольку все равно получается, что технологическое переосмысление идеи однокольчатых двусоставных удил раньше всего произошло именно в Северо-Западном Иране. А если мы будем придерживаться старой верхней даты для Хасанлу IV, предложенной Дайсоном и Маскарелла — поздний IX в. до Р.Х. (Schauensee, Dyson 1983: 76; Dyson, Muscarella 1989: 1 и сл.), то в Северо-Западном Иране, отмеченная выше смена технологии произошла еще в IX в. до Р.Х.

Это совершенно не противоречит времени начала массового производства железного оружия и орудий труда в этой области Ирана. Согласно И.Н.Медведской, такое производство

здесь было налажено в эпоху Железный век-II (1150- 800 гг. до Р.Х.; 1988: 1 анм.8). В Хасанлу IV железное клинковое оружие уже преобладало над бронзовым. Также из железа сделано большинство листовидных наконечников стрел. М.Н.Погребова полагает, что широкое освоение железа в Приурмийском районе началось еще в IX в. до Р.Х. (Погребова 1977: 165-166). Для соседней Ассирии IX век — время вполне развитой железной индустрии (Арешян 1976: 96)¹².

Спор вокруг даты гибели Хасанлу IV станет исключительно актуальным, когда мы начнем выяснять, откуда все-таки в Иран проникла сама идея двусоставных однокольчатых удил в виде реальных серий бронзовых прототипов. Правда, если согласиться с тем, что эта идея возникла в Европе периода HaB совершенно независимо, то тогда она, или точнее, ее продукт мог достигнуть Северо-Западного Ирана как в конце IX (что менее вероятно), так и в конце VIII в. до Р.Х. Если считать, что идея однокольчатых двусоставных удил восточноевропейского происхождения, и ее "t.a.quet" дают некалиброванные даты Аржана — конец IX в. до Р.Х., то тогда дата гибели Хасанлу IV, предложенная И.Н.Медведской (конец VIII в.), означает, что

редины IX-VIII вв. до Р.Х., отмеченная выше последовательность кажется излишне прямолинейной.

¹² Уникальное явление, пока что представляет погребальный комплекс с железными удилами из Лефканди (о-в Эвбея; рис.3,20). Напомним, что здесь в центре строительных остатков, трактуемых как основание героона, были открыты две квадратные в плане могилы, содержавшие мужское и женское захоронения, а также четверку лошадей, при двух из которых найдены железные однокольчатые удила. Следов колесницы как-будто бы, не обнаружено. Публикации этого, без сомнения интереснейшего комплекса, пока носят характер предварительных отчетов. Соответственно, столь же предварительными могут быть и большинство выводов. В связи с интересующей нас проблемой генезиса железных однокольчатых удил, несколько обескураживающей является прежде всего датировка этого комплекса — первая пол.Х в. до Р.Х. Что же касается типа самих удил, то, судя по описанию и фотографии (рисунки в публикациях отсутствуют), они были либо цельными односоставными (с внешними кольцами, загнутыми в петли), либо сделаны из двух, наглухо склепанных друг с другом железных стержней (Popham, Touloupa, Sackett 1982: 171, 173; Catling 1983: 13; Popham, Calligas, Sackett 1989: 117-129). Если это так, то тогда удила из Лефканди близки бронзовым прототипам односоставных удил, известных, к примеру, в Карпато-Дунайском регионе в период BrD-HaA1. Такие экземпляры в кладе из Ступини (Северо-Восточная Трансильвания) синхронизируются с горизонтом кладов Уриу-Домэнешти XIII-XII вв. до Р.Х. (Dănila 1975: 229).

Любопытно, что с греческим комплексом по интерпретации вполне сопоставимо погребение с четверкой лошадей из Хасанлу, где среди прочего инвентаря найдены удила и псалии. Иранский комплекс, однако, моложе. Он датируется первой пол. VIII, возможно, концом IX в. до Р.Х. Между прочим, согласно одной из интерпретаций погребения в Хасанлу, оно мог-

идея однокольчатых удил достигла Ирана чрезвычайно длительным и сложным путем — как отраженный гальштатским населением Средней Европы восточноевропейский импульс¹³.

В отношении Карпато-Подунавья, начало производства железной упряжи уже в IX в. до Р.Х. кажется не столь очевидным. Хотя отдельные, технологически достаточно примитивные железные предметы встречаются здесь уже в HaA (Laszlo 1977: 57), или даже BrD (Boroffka 1987: 55), однако нас в данном случае должны интересовать такие, пусть даже малосерийные изделия, которые образуют группы однотипных находок, хотя бы на функциональном уровне. В HaB такие серии составляют небольшие железные ножи и тёсла («Armchenbeile»). Тогда же (в HaB по А.Ласло, или в HaA по Н.Бороффка), на некоторых местонахождениях в Трансильвании отмечены явные следы железоделательного производства: остатки плавильных печей, шлак, железные слитки (Laszlo 1977: 70).

Таким образом, по всем формальным признакам начало широкого освоения железа в Карпато-Подунавье можно отнести, по крайней мере, уже к HaB. Однако, в ареале потенциальной ремесленной экспансии железоделательных очагов Трансильвании и Северо-Восточной Добруджи (Бабадаг), среди дюжины наименований предметов, сделанных из железа, нет ничего, что имело бы хоть какое-то отношение к конской упряжи. Такое положение тем более непонятно, что оно сложилось в то время, когда в Средней Европе уже были в употреблении самые разнообразные типы бронзовых удил и псалиев. Вероятнее всего, уникальные в своём роде находки железных удил на Среднем Днестре рубежа IX-VIII вв. до Р.Х., действительно уникальны и представляют собой лишь опытный вариант копирования бронзовых прототипов. Поскольку оба экземпляра найдены в од-
ло принадлежать “доисторическим” скифам (Погребова 1977: 134).

¹³ По поводу традиционной датировки гибели Хасанлу IV (конец IX в.) можно заметить что, если в ее основе лежит действительно корректная серия значений C14, то эта дата в принципе, может лишь еще более удревняться на основе различных калибровочных кривых и поправок к ним, но никак не наоборот. И.Н.Медведская подвергает сомнению именно корректность отобранных для радиоуглеродного анализа проб. Она полагает, что поскольку город Хасанлу IVB был построен не позднее IX в.до Р.Х., то сгоревшие в конце VIII в. конструкции могли быть изготовлены из деревьев, срубленных в IX в., а быть может и раньше (Medvedskaya 1991: 158). Не оспаривая возможных погрешностей такого рода, следует все же сказать, что вряд ли их следует распространять на всю серию образцов. Тем самым, мы по сути ставим под сомнение профессионализм авторов раскопок. Тогда, теоретически можно предположить и то, что деревья, предназначавшиеся для погребального комплекса аржанского царя, были заготовлены еще при его жизни (почему бы не сразу после его рождения?).

ном (чернолесско-сахарнянском) культурном ареале, то возможно, попытка их изготовления, причем, судя по по экземпляру из Сахарны, попытка весьма удачная, была предпринята местными ремесленниками. Массовое производство железной упряжи в Карпато-Подунавье, по каким-то, непонятным пока причинам, было отложено более чем на столетие¹⁴. Лишь на рубеже HaB/C, то есть на завершающей стадии развития древностей «фрако-киммерийского» горизонта в Средней Европе, произошло своеобразное преодоление «технологического барьера» (бронза-железо; Chochorowski 1993: 274) и производство железной упряжи приобрело массовый характер. Процесс такого преодоления в статике хорошо демонстрирует клад из Фюгед (Венгрия) конца HaB — начала HaC (около 700 г. до Р.Х.; Chochorowski 1993: 274)¹⁵. То

Думается, что сторонники высокой даты Аржана вряд ли придут в восторг от подобного предположения.

¹⁴ Начало новой технологической эпохи и время, когда революционная идея, лежащая в её основе, «овладевает массами», т.е. нисходит до обыденного, ремесленного уровня, в древности почти никогда не совпадали. Вероятно прав Андрэ Боннар, согласно которому это: «Медлительность человеческого ума в завершении своих открытий, если только сюда не вторгается требование необходимости, а нередко и крайняя военная срочность» (Боннар 1992: 289). Последний тезис в нашем случае заслуживает самого пристального внимания.

Ещё одна причина, которая возможно объясняет некоторое запаздывание при начале массового производства некоторых типов железных изделий, заключается в следующем. К предметам упряжи и вооружения предъявлялись повышенные требования в отношении прочности, чем, вероятно, не особенно отличалось мягкое кричное железо. Процедура же заковки (науглероживание) железа стала известна позднее. По-видимому, эта технологическая операция, освоенная в частности в Греции уже в X в. до Р.Х. (Андреев 1987: 55), и обозначает начало массового распространения железного вооружения и упряжи. А открытие самого способа карбонизации железа, по сути, и означает начало подлинного железного века (История древнего мира 1989: 6).

¹⁵ Помимо прочего, в составе клада найдены железные однокольчатые удила с перевитым грызлом и дополнительными привесками. Аналогичные экземпляры, правда без привесок, известны в позднейших комплексах «фрако-киммерийского» горизонта в Средней Европе (Шаренград, Леград), которые датируются уже HaC (Chochorowski 1993: 200, fig.18/3; 44/5). Это вероятно, уже другая линия развития железных однокольчатых удил, датируемая в основном началом средневропейского раннего железного века. Отметим в этой связи, синхронные, хотя и типологически несколько отличные, находки из Закавказья (Воронов 1980: 202-203, 208; Эрлих 1994: табл. 26). И европейские, и закавказские находки имеют бронзовые, в т.ч. и более ранние прототипы (Джапаридзе 1953: рис.2; Асланов и др. 1959: табл. XXXIX/2; Иесен 1965: 26-27, рис.10; Погребова 1984: 69; Chochorowski 1993: fig. 1/11-13). Интересно, что опять-таки в Хасанлу IV из 18 уже упоминавшихся железных удил, 7 — имели рифленные (перевитые) грызла (рис.2/25; Schauensee, Dyson 1983: 70).

же самое и, приблизительно в то же время происходит и в Восточной Европе на ступени РСК-II (700-650 гг. до Р.Х. по И.Н.Медведской; Медведская 1992: 89-91, с весьма наглядной в этом плане таблицей)¹⁶.

Отмеченному металлургическому перевороту непосредственно предшествовал период середины — второй половины VIII в. до Р.Х., когда в Венгрии и Приднестровье появляется новый, отличный от того, который применялся столетием раньше, вариант железных одноколячатых удил. Мезечат и Пуркары, судя по всему явления одного культурно-хронологического порядка. Говоря о комплексе из Пуркар, заметим, что колесницы для эпохи позднебронзового века Карпато-Подунавья — явление нетипичное. Восточный облик псалиев из Пуркар также не имеет здесь типологической подосновы. А поскольку, гибридно производств деталей колесничной упряжи на основе северокавказских (псалии) и карпато-дунайских (удила) комплектующих, маловероятно, то исходная область появления конкретно пуркарской колесницы (или просто, колесничного набора) находилась к юго-востоку от места находки. Венгерские удила, судя по прорисовкам, представляют собой почти точную копию приднестровских. Вероятно, для данного периода есть больше оснований говорить о перемещении интересующего нас типа упряжи, вместе с конём и всадником. Причём, учитывая солидную географическую лауну, которую обозначило картографирование находок железных удил предскифского периода (рис.3), можно думать, что упомянутые венгерский и приднестровский комплексы отложились на географической карте в результате каких-то, достаточно кратковременных событий. Этими событиями могли быть стремительные (а быть может, стремительное) перемещения конных групп восточных всадников, обладателей железной упряжи в Карпато-Дунайский регион и

Как и в случае с удилами из Лэфканди, необычен другой греческий комплекс — погр. XXVII на Афинской Агоре. Здесь, также в воинском захоронении, найдены перевитые железные удила. По сравнению с европейско-азиатскими аналогами, они старше примерно на полтора столетия (850-800 гг. до Р.Х. Foltiny 1961: 296, pl.95), однако, вполне могут быть синхронизированы с совершенно аналогичными экземплярами из Хасанлу IV (Schauensee, Dyson 1983: 68, fig.11), если конечно, придерживаться низкой даты гибели этого города.

¹⁶ Возможно тогда же, в могильнике Селиште, который обычно считается наиболее поздним среди памятников шолдэнештской группы, оказались 2 экземпляра железных одноколячатых удил (Лапушнян 1979: 17, рис.2/8, 18). Не ранее середины VII в. до Р.Х. видимо, следует датировать и курган 1 у с.Лоевцы (Хмельницкая область), где железные удила найдены вместе с трёхплетельчатыми псалиями (Крушельницка 1985: 121, 123, 124, рис.39). Несмотря на фрагментарность последних, они наверняка принадлежали разновидности, хорошо известной на Северном Кавказе в келермесское время (Галанина 1997: табл.18-20). Курган 1 у с.Лоевцы, таким образом, вхо-

далее, на Венгерскую равнину. Именно таких номадов видят в населении, оставившем могильник Мезечат (Chochogowski 1993: 241). Ими же вероятно, был зарыт и клад в Нижнем Поднестровье (Пуркары).

Завершая публикацию комплекса из Пуркар, мы хотели бы поделиться некоторыми сомнениями вот по какому поводу. Как-то довольно внезапно, в южнорусских степях предскифского периода оказалось очень большое количество колесничных комплексов. Их ареал существенно расширится, если сюда добавить отдельные вещи из комплексов периода поздней Урненфельд Карпато-Дунайского бассейна, трактуемые как детали исключительно колесничной упряжи. Для нас, уже вообще-то достаточно очевидно, что не все наборы, или отдельные детали колесниц из разных местонахождений вписываются в предложенные В.Р.Эрлихом хронологические рамки конца VIII — первой пол. VII вв. до Р.Х. Однако, даже если понизить дату появления колесничных комплексов в Восточной Европе примерно на столетие, то получается, что своеобразная мода на колесницы продолжалась весьма недолго. При этом, не имея в Северном Причерноморье предыстории, она не оставила после себя и никаких реминисценций. Таким образом, колесничные комплексы здесь — своего рода краткий, но весьма ёмкий текст без предисловия и послесловия. А отсутствие историографии в тексте обычно наводит на мысль о компиляции, либо прямом плагиате. Его источник, как-будто бы, очевиден. Это Древний Восток, где непрерывная линия развития боевых колесниц прослеживается по меньшей мере со II тыс. до Р.Х. и вплоть до эпохи эллинизма, когда во время Восточного похода Александра Македонского оказалось, что персидские серпоносные колесницы, с военной точки зрения уже стали явным анахронизмом¹⁷.

Само по себе заимствование киммерийцами древневосточных боевых колесниц вполне вероятно. Однако, несколькостораживает то, что во всех случаях, когда были найдены полные комплекты колесничной упряжи, речь ведётся о колесницах, запряженных четверкой лошадей, как о само собой разумеющемся факте. Ведь за исключением комплекса Уашхиту, нет оснований говорить, во-первых, о наличии в погребении самой колесницы, а во-вторых, о количестве лошадей, находившихся в упряжке. Мало того, даже в отношении этого, на первый взгляд, абсолютно бесспорного комплекса, среди исследователей нет единого мнения. Так,

дит в раннескифский горизонт памятников Среднего Поднестровья.

¹⁷ Впрочем, согласно Аппиану, и в начале I в. до Р.Х. колесницы, оснащённые косами в армии Митридата Евпатора, ещё наводили ужас на вифинское войско Никомеда IV (App. Mithr. 18).

Среди европейских варваров боевые колесницы использовались видимо, ещё дольше. Так, Цезарь

В.Р.Эрлих, анализируя материалы кургана Уашхиту I полагает, что четверо удил и 8 псалиев предназначались для колесницы, запряжённой четвёркой лошадей (квадрига). Г.Коссак на примере этого комплекса (у него он правда, называется Чатажукай) так же уверенно говорит о пароконной упряжке и двух верховых конях хозяина погребения (Kossak 1994:26). На наш взгляд, боевой потенциал колесницы в условиях первозданного степного ландшафта Дикого поля был довольно ограничен. Тем более, что речь идёт о повозке, запряжённой четвёркой лошадей (квадриге), которая была достаточно тяжёлой в управлении, требовавшей большого искусства, и маломаневренной в условиях боя. В какой-то мере это подтверждается и тем, что скифы, на протяжении всей своей истории, оставались абсолютно равнодушными к этому виду военной техники.

Несмотря на то, что на Древнем Востоке и, в частности, в ассирийской армии были известны обе разновидности колесниц (пароконная и квадрига, а вдобавок еще и повозки, запряженные тройкой лошадей), основным боевым типом была всё же первая. Изображения именно парной упряжки преобладают на ассирийских рельефах. То же самое, мы видим на предметах урартской торептики¹⁸. Четвёрки лошадей на протяжении всей древности использовались, главным образом, для парадных выездов, ристаний, а в боевых условиях — как транспортное средство¹⁹. Здесь уместно будет привести 2 фрагмента из сочинения Страбона. В первом, говоря о нали-

чи у сигиннов четверной упряжки, географ ясно говорит о том, что повозки запряженные таким образом являлись транспортным, а не боевым средством (Strabo.XI.1,8). Во втором фрагменте содержится весьма интересное описание того, каким образом боевые колесницы передвигались вместе с войском на марше. "Повозки в походах везут быки. Лошадей везут за недоуздки...чтобы их резвость не упала при запряжке в боевые колесницы" (Strabo.XV.1,52). Здесь правда, речь идет о колесницах в древнеиндийских армиях, однако подобное, крайне рациональное и разумное использование боевых лошадей, наверное, было присуще и другим народам древности.

Какие же выводы можно сделать из сказанного? Во-первых, нижняя дата колесничных комплексов в степях Восточной Европы вряд ли может быть ограничена концом VIII в. до Р.Х. Во-вторых, квадрига (если мы согласимся с подобной трактовкой колесничных комплексов) являлась всё же, в основном, социально-престижным показателем. В-третьих, число комплексов с полными наборами, либо отдельными деталями колесничной упряжи, вряд ли относились к числу реальных повозок как один к одному. В-четвёртых, какие-то разрозненные детали, трактуемые как принадлежности колесничной упряжи (к примеру, пронизи-распределители), возможно, таковыми не являлись, или, вернее, могли относиться не только к колесничным наборам. Это в какой-то степени, подтверждается находками с территории Средней Европы, где до сих пор не найдено ни одного полного комплекта колесничной упряжи.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Ю.В., 1987. Греция на пороге железного века // КСИА. № 192. С.54-59.
- Арешян Г.Е., 1976. Железо в культуре древней Передней Азии и бассейна Эгейского моря (по данным письменных источников) // СА. № 1. С.87-99.
- Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И., 1959. Древний Мингечаур. Баку.
- Боннар А., 1992. Греческая цивилизация. Т.3. М.
- Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племён низовьев Сыр-Дарьи в VII-V вв. до н.э. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т.VIII.
- Воронов Ю.Н., 1980. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Киев. С.200-218.
- Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы // Степные народы Евразии т.1. М.
- Грязнов М.П., 1980. Аржан. М.
- Гуцал А.Ф., 1993. Дослідження Бернашівського могильника в 1991-1992 рр. // Археологічні дослідження в Україні в 1992 р. Київ. С.53-54, рис.15.
- Джапаридзе О.М., 1953. Бронзовые топоры Западной Грузии // СА. № XVIII. С.281-300.
- Дубовская О.М., 1989. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада // СА. № 1. С.63-69.
- Дударев С.Л., 1991. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный.
- Дударев С.Л., 1994. О хронологической позиции памятников новочеркасского типа // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и Средние века. Вып. VII. Ростов-на-Дону. С.13-16.
- Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985. Скифские памятники Закавказья. М.
- Иессен А.А., 1953. К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. № XVIII. С.49-110.
- Иессен А.А., 1965. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // МИА. № 125. С.5-36.
- История древнего мира. Расцвет древних обществ., 1989. Т.2. М.
- Кахиани К.К., Иорданашвили Ж.В., 1984. Археологическая экспедиция в ущелье р.Машавера // Полевые археологические исследования в 1981 г. Тбилиси. С.36-38.
- Кашуба М.Т., Гольцева Н.В., 1991. Сахарнянский могильник I (Цыглэу) // СА. № 1. С.197-209.
- Ковпаненко Г.Т., 1962. Погребение VIII-VII вв. до н.э. в

столкнулся с ними в 55 году до Р.Х. при высадке в Британию (Caes. Bell. Gall. IV. 24, 32-33).

¹⁸ См. весьма показательную в этом плане, таблицу в работе И.Н. Медведской (1988: 9, табл. 1).

¹⁹ Потенциальные боевые возможности квадриги совершенно неожиданно раскрылись значительно позже, в период Гражданской войны в России, когда с развитием скорострельного оружия на полях сражений появился феномен в виде маховско-будённовской тачанки.

- бассейне р.Ворсклы // КСИА АН УССР. Вып. 12. С.66-72.
- Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д.,1984. Погребение воина у с.Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. Киев. С.39-58.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.,1989. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья. Киев.
- Козенкова В.И.,1975. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели) // Скифский мир. Киев. С.52-73.
- Козенкова В.И.,1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племён кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В2-5.
- Крушельницька Л.І.,1985. Взаємозв'язки населення Прикарпаття та Волині з племенами Східної та Центральної Європи. Київ.
- Лапушнян В.Л.,1979. Ранние фракийцы X — начала IV вв. до н.э. лесостепной Молдавии. Кишинёв.
- Лесков А.М.,1984. О хронологическом соотношении памятников начала железного века на юге европейской части СССР // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. С.147-152.
- Лукашов А.В.,1984. Новый памятник VIII-VII вв.до н.э. в Заволжье// Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. С.157-161.
- Мартirosян А.А.,1964. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.
- Махортых С.В.,1991.Скифы на Северном Кавказе. Киев.
- Махортых С.В.,1992. Кочевники и вопросы происхождения кладов VIII-VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР // Античная цивилизация и варварский мир. Ч.1. Новочеркасск. С.37-43.
- Махортых С.В.,1994. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев.
- Махортых С.В.,Черненко Е.В.,1994. Киммерийский памятник в Присивашье// Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс.до н.э. — V в.н.э.). Тирасполь. С.152-154.
- Медведская И.Н.,1983. Конский головной убор из могильника Сиалк В // Iranica Antiqua. v.XXIII. P.64-77.
- Медведская И.Н.,1992. Периодизация скифской археологии и Древний Восток // РА. № 3. С.86-107.
- Мелюкова А.И.,1972. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии // СА. № 1. С.57-72.
- Погребова М.Н.,1977. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.
- Погребова М.Н.,1984. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.
- Раевский Д.С.,1993. О логике построения раннескифской хронологии // РА. № 2. С.79-84.
- Смирнова Г.И.,1977. О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна-Солончены и Жаботин (по материалам курганов у с.Мервинцы на Днестре) // СА. № 4. С.94-107.
- Смирнова Г.И.,1985. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. № 4. С.33-53.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.,1989. Археология СССР. М.
- Тереножкин А.И.,1976. Киммерийцы. Киев.
- Техов Б.В.,1980. Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI вв. до н.э. М.
- Членова Н.Л.,1981. Тагарские лошади (о связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху)// Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М. С.80-94.
- Эрлих В.Р.,1991. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М. С.31-47.
- Эрлих В.Р.,1994. У истоков раннескифского комплекса. М.
- Эрлих В.Р.,1994а. Об интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада // РА. № 2. С.134-150.
- Эрлих В.Р.,1997. К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период// Материалы и исследования по археологии России. Т.1. С.19-34.
- Яблонский Л.Т.,1991. Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья // СА. № 1. С.72-89.
- Яровой Е.В.,1981. Исследование курганов энеолитарной бронзы у с.Пуркары // АО 1980. М. С.395.
- Яровой Е.В.,1990. Курганы энеолита-эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинев.
- Яровой Е.В.,1992. Раскрывая тайны курганов.Кишинев.
- Яровой Е.В., Кашуба М.Т.,1994. Курган предскифского времени у пгт. Слободзея // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в.н.э.). Тирасполь.
- Boroffka N.,1987. Folosirea fierului în Romania de la începuturi pîna în secolul al VIII-lea î.n.e. // Apulum t. XXIV. P.55-77.
- Catling H.W.,1983. Archaeology in Greece 1982-1983 // Archaeological Reports for 1982-1983. L. P.3-62.
- Chochorowski J.,1993. Ekspansja kimmersyjska na tereny Europy Środkowej. Kraków.
- Dănila St.,1975. Depozitul de bronzuri de la Stupini (jud. Bistrita-Năsăud) // SCIVA t.26. nr. 2. P.225-229.
- Dyson R.H.,Muscarella O.W.,1989. Constructing the Chronology and Historical Implications of Hasanlu IV // Iran. vol.XXVII.
- Foltiny S.,1961. Athens and the East Hallstatt Region: Cultural Interrelations at the Dawn of the Iron Age // AJA vol.65. n.3. P.283-297.
- Kemenczei T.,1988. Die Pferdegeschichte von Fьgьd / / AAH. t.XL. S.65-81.
- Kemenczei T.,1994. Hungarian Early Iron Age metal finds and their relations to the steppes // The archaeology of the steppes. Methods and strategies. Napoli. P.591-618.
- Kemenczei T.,1996. Notes on the chronology of Late Bronze Age hoards in the Hungary // Problemy epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej. Kraków. P.247-279.
- Kossak G.,1987. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstil // Skythika. München. S.24-86.
- Kossak G.,1994. Neufunde aus dem novočerkassker Formenkreis und ihre Bedeutung für die Geschichte steppenbezogener Reitervölkern der späten Bronzezeit // IL Mar Nero I. S.19-54.
- Laszlo A.,1977. Anfänge der Benutzung und der Bearbeitung des Eisens auf dem Gebiete Rumđniens //AAH t.XXIX. S.53-75.
- Leviťki O.G.,1994. Culturi din epoca hallstattului timpuriu ei mijlociu // Thraco-Dacica t.XV. 1994.
- Medvedskaya I.N.,1988. Who destroyed Hasanlu IV??? Iran. vol.XXVI. P.1-15.

- Medvedskaya I.N., 1991. Once more on the destruction of Hasanlu IV: problems of dating//Iranica antiqua. Vol.XXVI. P.149-161.
- Patek E., 1980. Einige Daten zu den Anfängen der Frühisenzeit in Ungarn // Situla 20/21. S.153-163.
- Popham M.R., Touloupa E., Sackett L.H., 1982. The Hero of Lefkandi // Antiquity LVI. no. 218. P.169-175..
- Popham M.R., Calligas P.G., Sackett L.H., 1989. Further excavations of Toumba Cemetery at Lefkandi (1984 and 1986). A preliminary reports // Archeological Reports for 1988-1989. L. P.117-129.
- Schauensee M.de, Dyson R.H., 1983. Hasanlu Horse Trappings and Assyrian Reliefs// Essays on Near Eastern Art and Archaeology. In honour of Ch.K.Wilkinson. N.-Y. P.59-77.
- Stegmann-Rejtar S., 1992. Spätbronze — und früheisenzeitliche Fundgruppen des mittleren Donaugebietes // Ber. RGK 73. S.29-181.